

Этноценоз башкирского народа в природе Южного Урала

Этносы образуют устойчивые системные связи с определенными элементами живой природы. Такие комплексы принято называть этноценозами. Это заметил ещё в V веке до н.э. «отец истории» Геродот, которого, без сомнения, можно считать и «отцом этнологии». Он в своей знаменитой «Истории» описал десятки народов [1]. Причем каждый народ Геродотом представлен не изолированно, а в его природной среде обитания, с описанием образа жизни, хозяйства, продуктов питания, во взаимосвязи с другими народами. Например, он пишет, что аргиппеи занимаются лошадьми и медоносными пчелами. Эта связь, например, у башкир настолько глубоко уходит вглубь веков, что образовались башкирская порода лошадей и популяция пчел под названием «башкирская бортевая пчела». Неотъемлемой частью этого комплекса является и занимаемый природный ландшафт с соответствующей флорой и фауной, отраженный в народных песнях, фольклоре и эпических сказаниях. Как писал Геродот, плоды ореха (понтик) были основным продуктом питания растительного происхождения у аргиппеев — древних предполагаемых предков башкир. Ещё недавно, в 60-х годах XX века орех возами вывозили из лесов Башкортостана. Липа давала не только мёд, но и лыко, мочало, кору — материалы, необходимые для повседневной жизни.

Уральская природа проникла и в духовный мир предков башкир, причем не только в мифы, эпосы и песни. Она дала башкирам их национальный музыкальный инструмент — курай, изготавливаемый из стебля одноименного растения, произрастающего на Урале. Согласно легенде, сперва на курае было только одно отверстие, прогрызенное пчелой, поселившейся в высохшем стебле растения, издающего странные звуки при дуновении ветра. Поэтому изучение этногенеза башкирского народа и его истории немыслимо без учета взаимосвязи этноса с составляющими этого комплекса: лошадьми, пчелами, кураем, липой, орешником...

В верхнем палеолите человек распространился по всей суше планеты в его современном состоянии. Почему распространился в неблагоприятные по климату регионы — открытый в науке вопрос, но это факт. Возможно, это произошло в результате грандиозного природного катаклизма. Это мог быть Всемирный потоп, описанный в Библии, Сказании о Гильгамеше, эпосе «Урал-батыр» и других мифах народов мира [2].

В результате такого катаклизма человек оказался инородным телом в суровом климате Урала. Для сравнения мы можем взять теплокровных животных, обитавших на Урале в эпоху верхнего палеолита и доживших до наших дней. Это лошади и волки (собаки). Температура тела человека ($36.5—36.8^{\circ}$) ниже температуры лошади ($37.5—38.5^{\circ}$) и волка ($37.5—39^{\circ}$). Кроме того, человек не имеет согревающего волосяного покрова. Причем волосяной покров, как лошади, так и волка хорошо приспособлен к понижению температуры окружающей среды.

Человек по строению зубов ближе к травоядному животному. Но, имея пониженную температуру тела и лишенный согревающего волосяного покрова, он не может жить в холодном климате Урала, питаясь лишь растительной пищей. Ему необходимы более калорийная мясная пища и материалы для изготовления одежды, головных уборов и обуви. Всё это дает охота, и под воздействием природных факторов человек превратился во всеядного хищника.

О людях каменного века, живших в эпоху верхнего палеолита, мы кое-что знаем благодаря находкам археологов, эпосу «Урал-батыр» и так называемой «палеолитической живописи». Творения древних художников Урала дошли до нас на стенах пещер Шульган-таш и Игнатьевской. Башкирский эпос «Урал-батыр», рассказывая в начальной части о каменных орудиях охоты и использовании ракушек в качестве посуды, относит истоки этноса к каменному веку, к эпохе палеолита.

Мозг человека уже мыслил абстрактно. В процессе рисования на стенах пещер сознание художника отрывалось от действительности. Он рисовал не то, что видел перед собой, а то, что представлял в своем сознании. Один человек рисовал, а другой сочинял религиозные мифы. Сама пещера Шульган-таш, рисунки на её стенах и эпос «Урал-батыр» были составляющими единого храмово-религиозного комплекса, передового в пределах ойкумены. Многие ритуалы, мифы и легенды, рожденные здесь, со временем распространились по всему миру. В первую очередь, это божество Урал-батыр.

В те далекие времена зародился уже духовный мир, но он был достаточно однообразен. На стенах пещеры Шульган-таш на Урале человек рисовал сюжеты желаемой удачной охоты. Начальная часть эпоса «Урал-батыр» также посвящена добыче пищи и правилам её поедания.

О рисунках на стенах пещеры Шульган-таш написано немало статей и книг [3], но мне хотелось бы обратить внимание на то, что первым рисунком, найденным на восточной стене биологом А.В.Рюминым, была детально вырисованная лошадь. Её так теперь и называют «Рюминская лошадь». Изображение большое — около полутора метров — почти в натуральную величину. Лошадь сравнительно коротконога, глубока в подпруге (большой объем груди), мохнатая, с пышной гривой и хвостом. Привлекает внимание её изящная и слегка утонченная голова. Археологи сравнивали такую голову древней лошади с лисьей мордой, головой дельфина, но на сленге коневодов она называется «щучьей головкой» и считается присущей лошадям современной арабской породы. Древний пещерный художник несколько упростил форму тела животного, но примерный облик тогдашнего коня по рисунку вполне можно понять.

Распространенность среди арабской породы весьма редкой для других пород масти «серой в гречку», что по-башкирски означает «ак буз», дает основание полагать, что и легендарный Акбузат (Ак-буз-ат, ат — лошадь), один из персонажей эпоса «Урал-батыр», был похож по контуру тела на лошадей арабской породы и имел «серую в гречку» масть. Сеем предположить, что предки лошадей данной породы попали на Ближний Восток с Урала.

Потом в пещере Шульган-таш были найдены изображения мамонтов, носорогов, оленей, но лошадей древний художник нарисовал там больше, чем других животных. После «Рюминской лошади» обнаружили «Большую лошадь», «Новую лошадь», потом просто «лошадок»... И почти всегда изображения животных сопровождались рисунком непонятной для исследователей «трапеции» — фигу-

Фрагмент настенного рисунка с «трапедией»

ры, напоминающей расширяющуюся вверх трапецию с отростками — «ушами» на верхних углах и вертикальными ребрами. Количество ребер разное и доходит до 12. Что означала эта фигура, многократно растиражированная по пещере?

Вторая загадка была связана с первой: зачем нужны были древним людям эти картинные галереи с изображениями групп животных, которых они постоянно могли видеть в природе, да ещё эта «трапедия» при них?

Возможно, пещера была не только жилищем первобытных людей, но и святилищем, своеобразным первобытным храмом. Люди приходили в отдельные залы как на встречу с неким высшим правящим существом. Чего они хотели от него?

Древний художник изображал на стенах то, что он просил у Высшего повелителя, то, что он больше всего желал иметь. Все помыслы древних людей в начале их истории не многим отличались от стремлений животных и были связаны с пищей и с главным жизненным вопросом — как эту пищу добыть. Как встретить зверя, убить его и принести мясо в пещеру, чтобы накормить женщин и детей. Вот эта мысль постоянно была в сознании древнего человека. Это он и рисовал на стенах пещеры — просил у Всевышнего вожделенную добычу: мамонтов, лошадей, быков, носорогов, а чтобы он понял, для чего — корзину для переноса мяса! Ту самую, что наши ученые до сих пор называют заумно «трапедией»! А ушки этой самой трапедии — не что иное, как ручки корзины для удобства её переноса. Продели в ушки две жерди, двое мужчин встали в «затылок», положили эти жерди на плечи и понесли корзину с мясом на стоянку, как это до сих пор делают африканские аборигены.

Рисунки диких животных в совокупности с корзиной для переноски мяса представляют собой не что иное, как пиктографическое (картинное, рисуночное) письмо. Этим письмом первобытный человек обращался к Всевышнему, излагал ему свою конкретную просьбу: «Дай нам удачу в охоте, чтобы мы имели много мяса, положили его в корзину и принесли сюда в пещеру!»

Раз больше всего он рисовал лошадей, значит, конина была их наиболее желанным блюдом. И на более ранних стоянках людей (XXX тыс. до н.э.) обнаруживалось преобладание костей лошади (55,5%) по сравнению с останками других животных [4]. Тогда и возникли устойчивые системные связи, образовавшие этноценоз древнейших предков башкир и лошади. И сегодня башкиры угощают дорогих гостей в первую очередь кониной. Если нет конины, то ставят на стол баранину, а если нет и её, то говядину, однако, при этом приносят свои извинения.

В эпоху палеолита наскальная живопись была распространена и в Западной Европе. Пещера Ласко (фр. Grotte de Lascaux) во Франции — один из важнейших палеолитических памятников по количеству, качеству и сохранности наскальных изображений [5]. Живописные и гравированные рисунки, которые находятся там, не имеют точной датировки: они появились примерно в XVIII—XV тысячелетии до н.э., на одно-два тысячелетия раньше, чем в пещере Шульган-таш. Это было обусловлено более мягким климатом Западной Европы и ранним заселением людьми.

Начинается ансамбль с так называемого «Зала Быков». Быки имеют огромные размеры (4—6 метров). И здесь проявляется предпочтение местного населения к говяжьему мясу. Потомки живших здесь древних европейцев пришли на Урал в бронзовом веке в поисках сырья для выплавки металлов. Индоевропейцы и на Урале предпочитали мясо крупного рогатого скота, символизированного в эпосе «Урал-батыр» быком царя Катилы, а башкиры считали говядину чужой, недостойной пищей, поэтому извинялись, когда угощали ей гостей.

Часть изображений лошадей, быков, коров и баранов непосредственно связана с «решетчатым знаком». Исследователи пещеры Ласко связывают этот знак с какой-то оградой, которую, якобы, оббегают эти животные. Однако «решетчатый знак» на всех рисунках не имеет смежных частей, позволяющих идентифицировать его в качестве части загона. Он очень похож на корзину для переноски мяса, знакомую нам по пещере Шульган-таш. Нет только ушек для удобства переноса. Очевидно, что, если на рисунках, отделенных большим рас-

Фрагмент «Зала Быков» пещеры Ласко

Рисунок на стенке колодца пещеры Ласко

стоянием, фигуры животных рисовались в сопровождении похожего знака, то этот знак нес одинаковую информацию — пожелание добычи мяса.

На стенке колодца пещеры Ласко изображена уникальная сцена с тремя персонажами. Это бизон, из его вспоротого живота вываливаются внутренности. Убитый или раненый мужчина с птицеобразной головой лежит, раскинув руки, перед бизоном. Рядом изображены копьеметалка с рукояткой в виде птицы, наконечник гарпуна и на задней части крупа бизона — древко, а слева нарисован удаляющийся, метящий свою территорию носорог.

Читая это рисуночное письмо, можно предположить, что изображен мужчина-охотник, имеющий символическую связь с птицей. Возможно, его именем или прозвищем были «Ворон», «Сокол», «Орел» или что-то подобное. Художник же здесь представляет собой зарождающуюся прослойку служителей культа. Своим письмом он желал удачливому охотнику победы над бизоном, чтобы была добыча, но при этом допускает, что охотник может погибнуть, встретив носорога — хозяина территории.

Несмотря на то, что живопись пещеры Ласко, расположенной в Западной Европе, имеет много общего с рисунками уральской пещеры Шульган-таш, в них есть и свои особенности, обусловленные разницей в климате. Так, в Ласко нет изображений мамонтов, а в Шульган-таше отсутствуют рисунки бизонов и зубров, что свидетельствует о том, что местность пещеры Ласко не покрывалась ледником, а представители крупного рогатого скота не жили на Урале в дикой природе.

Настенные рисунки эпохи палеолита, иллюстрирующие верования людей древнекаменного века, наглядно опровергают высказанное классиками марксизма положение о том, что религия родилась на почве слабости древнейших людей, их бессилия в борьбе с природой. Ф.Энгельс утверждал, что религия «возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, темных, первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе» [6]. Якобы, религиозные верования людей были порождены

бессилием человека перед природой, обусловленным низким уровнем развития общества и ограниченностью трудового опыта. «Силы природы представляются первобытному человеку чем-то чуждым, таинственным, подавляющим. На известной ступени, через которую проходят все культурные народы, он осваивается с ними путем олицетворения. Именно это стремление к олицетворению создало повсюду богов...» [7].

Эти умозаключения классиков марксизма-ленинизма были основаны не на анализе памятников эпохи палеолита (они ещё не были открыты), а на домыслах и наблюдениях за поведением современных суеверных людей. Однако ничего подобного мы не видим на рисунках палеолитической живописи. В основе начала верований в существование некоего высшего существа, управляющего миром, лежали элементарные инстинкты: продолжения рода, питания и т.д. Человек не боялся природы и не боролся с ней. Он жил внутри природы и все её проявления изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год были ему знакомы и привычны. Чувство голода порождало в его сознании желание пищи, инстинкт продолжения рода возбуждал желание полового партнера. Возникал дискомфорт, от которого он и пытался избавиться с помощью высших сил. Одним словом, не страх, а физические желания лежали в основе первобытных верований. Страх в виде кары от тотема или Всевышнего появился позже. Его внесли в религию служители культа и на основе этого страха они обрели власть над своими соплеменниками.

С конца XX — начала XXI веков на территории Урала, после возобновления доступа в различные запретные зоны, исследовательские группы, состоявшие как из ученых, так и энтузиастов-краеведов, стали открывать многочисленные древние постройки из огромных блоков достаточно хорошо обработанного камня, называемые мегалитами, возраст которых составляет 8—9 тысяч лет. Многие из них представляли собой культовые сооружения, около которых совершались различные ритуальные действия: жертвоприношения, молебны, общения с Всевышним. Поражают размеры каменных блоков, вес которых, по расчётам, достигает многих десятков и даже сотен тонн. Остаётся загадкой, как древний человек передвигал, поднимал и укладывал эти огромные камни.

В древних письменных источниках нет никаких сведений о мегалитах Урала. Лишь в произведениях устного народного творчества башкир встречаются упоминания мифического характера о строительстве мегалитов. В кубаире «Кунгыр-буга» повествуется о том, как героиня эпоса Тандыса шла за своим быком через горные хребты. На пути ей встречались горы, похожие на столы, ступеньки, полки, навесы и даже целые дома, сложенные из громадных камней. Она вспомнила, что в

Одно из многочисленных древних мегалитических сооружений на Урале

детстве отец ей рассказывал о том, как легендарный Урал-батыр приходил сюда через каждые 50—100 лет и складывал эти сооружения из камней величистой со стог сена. На пути ей встречались каменные галереи, крытые большими плитами, в которых, по преданиям, войско Урал-батыра укрывалось от проливных дождей. Мегалиты Урала, расположенные в закрытых зонах, лишь в последние годы стали известны широким кругам исследователей и требуют самого тщательного изучения, особенно в тесной связи с древними башкирскими эпосами, в которых они нашли самое яркое отражение.

Мегалитический памятник, расположенный в деревне Ахуново Учалинского района Республики Башкортостан, состоит из 13 гранитных камней правильной четырехгранной формы. Это менгиры — вертикально установленные камни высотой от 70 сантиметров до 2-х метров. Восемь из них расположены по окружности, четыре — немного поодаль. На главном камне в середине видны очертания полумесяца. Луна показана в растущей стадии. Ученые считают, что это не что иное, как древнейшая на Урале обсерватория. По их предположениям, её использовали в качестве календаря. Наблюдая за тенью от центрального менгира, древние предки башкир определяли дату и время. На прилегающей территории находили черепки от керамической посуды и кости животных. Всё это в совокупности с древней обсерваторией свидетельствует о том, что здесь в течение многих веков располагался крупный познавательный-религиозный комплекс.

В бронзовом веке в Зауралье был известен и популярен религиозный центр мирового значения, в котором побывали многие паломники, путешественники и купцы. Здесь на реке Большая Караганка на знатном погребении близ городища Синташта была построена девятиступенчатая пирамида, совершались обряды тенгрианства, зародился зороастризм [8] и было положено начало «Авесте» [9]. В эпос «Урал-батыр» вошли мифы, составившие основу этих древних религий. Это подтверждается и Библией, где в книге пророка Иезекииля указывается, что люди, исполнявшие зороастрийский погребальный обряд, пришли на Ближний и Средний Восток, на «горы Израилевы» из «краев Севера». Кроме того, и в самой «Авесте», распространенной на Иранском нагорье и в Средней Азии, сообщается, что зороастрийцы — пришельцы в этих местах, что существует Airyapat vaejāh — «прародина ариев», расположенная далеко на севере у истоков реки Ранхи в холодном климате с «белым лесом», надо полагать, березовым. Река Ранха — Раа, как указывал ещё М.Ломоносов, «у древних писателей слывет Волга» [10], а её истоком в древности считались верховья Белой. Именно это направление русла Раа (Волги) было наиболее посещаемым в Древности. Отсюда путешественники, купцы и паломники перебирались на истоки Уя, Миасса и далее на Исеть, пересекая Уральские горы по древней дороге. По притокам Оби купцы попадали в таежные зоны, богатые ценным мехом, добирались до Северного Ледовитого океана. Есть все основания полагать, что «прародиной

Менгир в Ахуново

ариев» была Страна городов на реке Б.Караганка [11]. На карте Птолемея эта Страна городов обозначена как Исседон-град.

Тит Флавий, греческий философ (ок.150 — ок.215 гг. н.э.) писал: «Гиперборейские и аримасповские города... суть обители праведных» [12, с.296]. «Аримасы» — персидское название древних предков башкирского народа, переводится, аналогично греческому «аргиппеи», как «коневоды» (аспа, как и гиппо — лошадь). Их, как отмечал Геродот, было семь племен — Ете ырыу, известных по башкирским преданиям как объединение «Семиродцы». Об одном из племен римский географ Помпоний Мела (ок.15 — ок.60 гг. н.э.) писал: «Исседоны отмечают похороны родителей весельем, благодарственной жертвой и торжественным сбором родственников...» [12, с.227]. И сегодня башкиры на похороны родителей собирают родственников, устраивают застолье, разве что не веселятся, как это делают их соседи черемисы (марийцы). Обратим внимание на то, что слова, обозначающие на башкирском языке и поминальную трапезу (табын), и богослужение, молитвы (табынью), происходят из одного корня. Есть основание полагать, что исседоны — это древнее название башкирского племени Табын, расселившегося с глубокой древности в Зауралье, по берегам реки Исети. У Птолемея они тибиаки, у Татищева — тибиаки и табеиты, под которыми он понимал кара-табынцев и кипчак-табынцев, у Валиди — табивои [12, с.276].

Наличие первобытного храма в пещере Шульган-таш, на территории, занимаемой древнейшими предками башкир, пиктографических «писем к Всевышнему» на его стенах, мегалитов культового назначения, религиозного центра в Зауралье, а также возникновение представлений о душе и водном потоке, изложенных в эпосе «Урал-батыр», ставшем мифической основой тенгрианства и зороастризма, свидетельствуют о том, что одним из этнических признаков предков башкирского народа была религиозность. Действительно, Геродот в своей «Истории» из всех древних народов лишь предков башкир аргиппеев (лысых людей — племя тазлар) выделил как священных, а исседонов (их соседей — племя табын) — назвал праведными.

Это был переходный период от семьи к роду, племени. Существовали ещё отдельные материнские семьи, причем состав семьи жестко регулировался. Не случайно эпос «Урал-батыр» представляет нам семью древнейших предков башкирского народа в составе отца, матери и двоих сыновей. Эта семья охотилась на мелкую дичь, в основном на птиц с помощью охотничьих соколов и собак. Дочерей в этой семье нет. Случайно ли это?

Конечно, девочки рождались, но численность семьи должна была соответствовать количеству пищи, добываемой на охоте. В противном случае семья гибла от голода. Поэтому в те времена состав семьи жестко регламентировался. До рождения необходимого числа мальчиков девочек топили как слабых, негодных для охоты членов семьи и, главное, будущих матерей, способствующих преждевременному росту численности семьи. Об этом тоже есть упоминание в эпосе [13, с.143].

Эпос «Урал-батыр» рассказывает, что матерей, рожавших преимущественно девочек, презирали. Достойной считали мать, народившую достаточное число сыновей-охотников, и лишь затем родившую дочь. Искусственное ограничение числа потенциальных матерей порождало дефицит женщин, что в свою очередь способствовало воровству невест. В результате возник башкирский национальный обычай, называемый «барымта» — набег на другие племена с целью умыкания невест и угона скота.

По-видимому, этот жестокий обычай ограничения числа женщин в роду был распространен повсеместно, так как его отголоски встречаются в сказаниях, легендах и преданиях различных народов. Даже в животном мире это имеет место. Пчелы, например, также регулируют численность семьи по количеству поступающего корма. Их матка кладет яйца с интенсивностью, зависящей от количества приносимого пчелами нектара, а при нехватке места в сотах для складирования зимнего запаса меда пчелы выбрасывают личинки рабочих женских особей из ячеек сотов, освобождая место для корма.

В верхнем палеолите, как рассказывается в эпосе «Урал-батыр», семья имела двух сыновей и не могла позволить себе сохранение дочерей, которых можно было обменять на невест для сыновей. Семья не развивалась. Однако природа не создает тупиковых ситуаций, особенно в сфере размножения. Естественным выходом из этого положения было более продуктивное занятие — охота на крупных животных, но для этого требовалось объединение усилий нескольких семей. Родственные семьи для охоты сближались, жили и охотились вместе. Это и дало начало древнебашкирскому этносу. Действительно, рисунки на стенах пещеры Шульган-таш показывают, что люди, обитавшие на Урале, охотились на крупных животных: мамонтов, шерстистых носорогов, лошадей и оленей, но отдавали предпочтение добыче конины.

Естественно, охотясь на лошадей, они изучали повадки этих животных, вели соответствующий образ жизни. Кони привыкают к месту своего рождения, редко покидают свою родину, всегда возвращаются к родным местам. Кроме того, лошади плохо переносят жанду и не уходят далеко от водопоя. Поэтому табуны лошадей, на которых охотились люди, паслись на ограниченной территории, как правило, в пределах долины одной небольшой реки. Вслед за ними двигались и охотники, оставляя после себя временные стоянки, в том числе и в пещерах. Так образовалась связь — биоценоз древнейших предков башкир с лошадью. Пока это была лишь охота, но и в ней уже проявлялось начало этноценоза.

Но почему из всех перечисленных теплокровных животных именно лошадь привлекла предков башкир? Они охотились и на мамонтов, раз рисовали их на стенах пещеры Шульган-таш в «письмах к богу». Однако охота на мамонта требовала объединения большого числа семей, что удавалось осуществить редко. Кроме того, с потеплением климата и таянием ледника 15 тысяч лет назад вскрылись очаги различных болезней, в том числе и сибирской язвы. Мамонты вымерли.

Охота на шерстистого носорога была очень опасной, охотники часто гибли. Шерстистого носорога и охоту на него описал Ибн-Фадлан в 922 году, побывавший в Поволжье [14]:

«Голова его — голова верблюда, а хвост его — хвост быка, тело его — тело мула, копыта его подобны копытам быка. У него посреди головы один толстый закругленный рог. По мере того, как он возвышается, он становится всё тоньше, пока не сделается подобным наконечнику копья. Некоторые животные имеют рога от 3 до 5 локтей. Они питаются листьями деревьев халандж, имеющими превосходную зелень (осина. — **Р.В.**). Когда это животное увидит всадника, то направляется к нему, и если под ним быстрый конь, то он спасается с трудом, а если оно догонит всадника, то снимает его своим рогом со спины лошади, потом подбрасывает его вверх и вновь подхватывает его своим рогом и не перестает делать таким образом, пока не убьет его. А лошади оно не вредит никоим образом.

И люди преследуют его в диких местах и лесах, чтобы убить. А это делается так, что они влезают на высокие деревья, между которыми животное пьет воду или отдыхает. Для этого собираются несколько стрелков с луками и отравленными стрелами, и когда оно окажется между ними, то стреляют в него, пока не изранят и не убьют».

Как видим, даже спустя много тысячелетий, когда человек уже сел верхом на лошадь и вооружился луком с отравленными стрелами, охота на шерстистого носорога была опасной и требовала объединенных усилий множества опытных охотников.

Лошади не были столь агрессивными. В любой ситуации, даже смертельно раненные, они предпочитают спастись бегством. Охота на диких лошадей происходила облавами. Идеальным местом для такой охоты были скалистые берега рек, таких как Юрюзань, Агидель в верховьях, протекающих через скалистые каньоны. Табуны лошадей загонялись людьми на обрывистые берега высотой 30—40 метров. Напуганные первобытными охотниками, лошади срывались со скал и разбивались насмерть. Позже стали строить загоны из жердей, куда загоняли лошадей и других животных и там добивали их копьями и дротиками. Это и есть упомянутый в башкирском эпосе «Урал-батыр» старинный способ охоты, называемый «ат аулау». Но самый удобный и легкий способ охоты на лошадей — это подстергать их на водопое и поражать, когда они войдут в воду. При этом первым в воду входит вожак — «айғыр». Примечательно, что это слово сохранилось и у скандинавов. Например, у исландцев Аегир — бог моря, давший людям лошадей. Считается, что лошади когда-то вышли из моря. В башкирских эпосах также указывается, что первый конь — Акбузат тоже вышел из водной стихии. В Башкирии имеются два водных объекта — пороги Айгир. У исландцев сохранилась традиция купания лошадей в море, истоки которой — в традиции приносить богу Аегиру в жертву коней, топя их в море. Отсюда жертвенное животное называли «конь Аегира». У башкир же «айғыр» — жеребец, вожак табуна.

Охотничьи стаи людей-хищников вели подвижный образ жизни, оставляя после себя лишь временные стоянки. Самый ранний памятник эпохи каменного века находится в Абзелиловском районе Башкортостана — стоянка Мысовая.

Для облавной или загонной охоты на лошадей было достаточно объединения нескольких родственных семей. Так возникал род, как первоначальная ступень древнебашкирского этноса, и развивался этноценоз людей и лошадей. Конское мясо высококалорийно и ещё в глубокой древности предки башкир узнали, что оно обладает согревающим эффектом, полезно для здоровья. Сваренное конское мясо приятно в употреблении, как в горячем, так и в холодном виде. Поэтому выбор пал на лошадей и именно с ними был связан процесс развития древнебашкирского этноса. И сегодня конина в почете у башкир. Даже приняв Ислам, библейскую религию, в которой конь объявлен священным животным, и употребление в пищу конины Библией запрещено, башкиры не отказались от забоя лошадей на мясо. Шкурами лошадей они покрывали свои жилища, шили одежду и обувь. И сегодня из шкур павших жеребят шьют сапоги. Для выделки шкур и получения кожи использовались скобели, сделанные из ребра лошади.

Использовалась вся шкура добытой лошади. Из туловищной части шкуры делался большой сосуд, называемый «хаба», упомянутый в эпосе «Урал-батыр». Сняв шкуру с головы лошади, предки башкир получали большой сосуд для хранения и перевозки жидкостей, называемый «башкуняк». Из части шкуры

передних ног лошади делали сосуды, называемые «кулдык» (кул — рука, передняя нога, башк.), а из кожи задних ног получали сосуды побольше — «ботлок» (бот — задняя нога, башк.). При этом кожа сшивалась конским волосом с использованием костяной иглы. Чтобы такие сосуды имели удобную форму мешка, их наполняли песком или золой, а потом, для герметичности, коптили (ыслак — коптить кожу, башк.). Из конского волоса делали также различные веревки и арканы, используемые для ловли лошадей и других дел. Кстати, сосуд из шкуры задней ноги лошади вмещает ровно 1 пуд (бот) зерна, откуда и произошла эта тюркская мера веса.

Кожаная посуда оказалась более приспособленной для охотников, следующих за табуном лошадей, чем тяжелая и ломкая посуда из глины. И это затруднило идентификацию археологических памятников древнебашкирских племён, при которой маркером служат рисунки, наносимые на керамическую посуду.

Лошади на вольном выпасе не уходят далеко от источников водопоя, пасутся в долинах рек, а в летнюю жару отдыхают в тенистых рощах недалеко от водопоя, называемых башкирами «туплау», что означает «место, где скот собирают». Часто стоянка лошадей имела место в воде, на мелководье. Тень и вода спасали от слепней. За «своими» табунами следовали и предки башкир, объединившиеся в роды. Время от времени, по потребности пищи они устраивали коллективные загонные охоты. А образ жизни и маршрут следования им задавал табунный жеребец (айгыр), верховодивший табуном в 20—30 кобылиц. Охотясь на лошадей, люди изучали их повадки. Табунный жеребец считал себя хозяином табуна и пастбища, «метил» свою территорию кучками помета. Он не допускал появления здесь чужого табуна. Увидев соперника с его кобылицами на своей территории, он немедленно вступал с ним в бой, кончавшийся поражением и бегством побежденного и захватом его табуна победителем.

Так же вели себя и люди. Табун они считали своим. Метки жеребца служили им указателями границы его владений, а, следовательно, и обозначением их территории. Здесь люди этого рода обустраивали свои стоянки, строили жилища на берегу ручья, к которому ходили на водопой «их» лошади. Так на определенной территории обособливались объединения «табун лошадей — род предков башкир» и возник ещё один отличительный этнический признак древних башкир — чувство собственника своей земли со знанием её границ. Ареал владений табуна у башкир носит название урау, урал (круг, округа), откуда, возможно, пошло название «Урал».

Надо отметить, что это весьма оригинальный этнический признак башкир, не свойственный другим народам. Зародившийся в глубинах веков, он сохранился до XVIII века, пройдя через всю историю башкир. Как жили предки башкир сообща, своим родом на территории, занимаемой их табуном лошадей, так и право собственности возникло коллективным по родам и племенам (волостям). Оно оговаривалось при вхождении башкир в империю Чингисхана, а в России закреплялось законодательно Соборным уложением 1649 года (Гл. XVI, ст. 43), которым запрещалась купля-продажа вотчинных башкирских земель. Право собственности отдельного башкира определялось его принадлежностью к конкретному роду. Причем, границы территории рода четко обозначались природными ориентирами: руслом реки, горой, скалой, оврагом и т.д.

На одной территории постепенно сближались кони и люди, переплетался их образ жизни. Со временем люди уже не убивали жеребят, добытых на охоте.

Они пригоняли их к своей стоянке, устраивали для них загоны, подкармливали, охраняли от хищников. Жеребята, подрастая, становились ручными, привыкали к людям. Их оповаживали, приучали к управлению с помощью повода, а потом садились верхом. Так началось одомашнивание и приручение лошади, а древние предки башкир становились коневодами.

Самые древние останки прирученных лошадей, живших рядом с человеком, найдены в Южном Предуралье на древних стоянках Муллино II и Давлеканово II, которые располагаются на территории Башкортостана. Они датируются по радиоуглеродному методу С-14 рубежом VII—VI тысячелетий до н.э. Лошади в Муллино все молодые, до 5-ти лет. Если бы это были дикие животные, добытые на охоте, то среди них были бы представлены экземпляры разных возрастов. Кроме того, важным доказательством приручения лошади являются характерные следы удила на коренных зубах, датируемые 3500 г. до н.э. Такие следы оставляют не только металлические удила, но и удила и псалии из кости.

Соответственно, лошади зубами грызли удила и псалии, оставляя на них следы. Это хорошо видно на рисунке костяного псалия. По мнению археолога Матюшина Г.Н., в Южном Предуралье произошло наиболее ранее на земном шаре одомашнивание лошади и её приручение для использования в качестве транспортного средства [15]. Это был прорыв в мировой истории, событие такой же значимости, как и изобретение моторов. Коневодство — один из главных этнических признаков древних и средневековых башкир. Ещё в древности о них, как о коневодах, знали в Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке. Грекоязычные народы называли их аргиппеями (ар — человек, гиппо — конь), а персоязычные — аримаспами (аспа — лошадь), что означало одно и тоже — коневоды.

Ручьи, водопой для скота, на которых они жили, впадают в небольшие реки наподобие Демы, Сима (Эҫем — водопой, башк.), Бири, Нугуша, Ая, Ика, Таныпа. Как впадали ручьи в реки, так и большие семьи, жившие в пойме одной реки, сливались в рода. Эти рода назывались по реке, на которой они жили. Древние предки башкир самоопределялись следующим образом: «мы с Юрюзани», «мы с Демы», «мы с Таныпа». Такие выражения можно слышать и сегодня. Так возник ещё один этнический признак — поселение у реки. Башкирские деревни и сегодня легко отличить от татарских или марийских деревень. Башкиры всегда селились у реки, как правило, около устья впадающего в неё ручья, татары предпочитали равнинные земли, довольствуясь небольшими родниками, а марийцы жили возле озер.

Костяной псалий

Но не одним конским мясом питались древнейшие предки башкир. Поймы этих рек богаты липой, орешником, черемухой, смородиной. Как упоминалось выше, «отец истории» Геродот в своей «Истории» отметил, что аргиппеи питаются плодами орешника, назвав его «понтником» по аналогии с грецким (понтийским) орехом, произрастающим на берегу Понтийского (Черного) моря. Действительно, в Древности и в Средневековье леса ореха-лещины занимали огромные площади на Урале и в Поволжье. Об этом писал Ибн-Фадлан [14].

Орех-лещина неразрывно связан с медоносной пчелой. Пчелы ранней весной собирают с орешника пыльцу и нектар. Он цветёт ранее других растений. Пчёлы опыляют его, оздоравливаются после трудной зимовки, а орех-лещина дает семена-плоды и размножается. Много орешника — много пчел, ведь другие насекомые в пору цветения орешника не летают, холодно, оплодотворить его не могут. Сокращается число пчелиных семей — орех становится редкостью в уральском лесу.

Другим элементом этого биоценоза является липа. Поймы рек Дема, Сим, Бирь, Нугуш, Инзер, Танып, где древнейшие предки башкир обитали вместе со своими табунами лошадей, были богаты липой. А с липы пчелы собирают лучший мед. Так что предки башкир, следуя за своими табунами коней, не упускали случая найти дупло с пчелами и полакомиться сладким продуктом. Охота за медом шла параллельно охоте на лошадей. Причем, в основе своей эти два вида охоты были очень похожи. Если мясо лошадей предки башкир получали, загоняя этих животных в специально огражденные места, в загоны или в воду, и забивая их там, то мёд они добывали, заманивая весной вольные рои пчел в сделанные ими борты и выламывая часть сот с медом осенью, в холодное время. Холод делает пчел малоподвижными. Этим они спасались от ужалений пчел при отборе меда.

В древнегреческой литературе распространены сведения об Аристее, поэте, путешественнике VII века до н.э. По этим сведениям, Аристей в поисках страны Гипербореи побывал у исседонов (древнебашкирское племя табын, жившее вдоль реки Исеть), однако написал эпическую поэму «Аримаспея» об аримаспах-аргиппеях (древнебашкирские племена таз и др. «лысые люди», брившие головы). По сути, это был поэтический перевод эпоса «Урал-батыр» на греческий язык [16]. После возвращения на родину о нем стали говорить, как о знатоке пчеловодства. Греки считали, что именно Аристей, побывавший у древних предков башкир, научил их пчеловодству. Впоследствии Аристей был обожествлен, считался сыном Апполона, реже — Урана (Урала), покровителем пчел, охоты и скотоводства — именно тех промыслов, которые составили этноценоз древних предков башкирского народа с природой Южного Урала. В башкирском эпосе «Урал-батыр» также есть упоминание о медоносных пчелах, их матке, пчелином рое. Это свидетельствует о том, что древние предки башкир занимались медовым промыслом и могли научить этому Аристeya. Бортничество — ещё один важный этнический признак древних предков башкир. Железные инструменты башкирского бортничества уходят корнями в бахмутинскую археологическую культуру угорского происхождения.

Единение древних предков башкир с уральской природой наиболее наглядно проявляется в национальном музыкальном инструменте курае. С помощью одного лишь ножа, даже каменного, нетрудно сделать его из стебля зонтичного растения, произрастающего здесь же, на Урале. Башкиры называют его не только

кураем, но и «айыу көпшәһе» (медвежья дудка), связывая с другим обитателем уральских лесов — медведем. Отметим, медведи ни в степи, ни в полупустынях не обитают и курай там не растёт. Это существенно противоречит кочевническим концепциям происхождения башкирского народа. И в песнях, которые поют башкиры под мелодии курая, в башкирских эпосах, легендах и преданиях мы не услышим ничего воспевающего степные и полупустынные ландшафты, безводье, верблюдов. Нет следов таких ландшафтов в культуре башкирского народа. Курай — оригинальный башкирский музыкальный инструмент, на нем играют только башкиры, и это также этнический признак, свидетельствующий об уральском происхождении башкирского народа.

Если охота за медом, заключавшаяся в поиске дупел, заселенных пчелами, могла быть уделом отдельной семьи, то охота на лошадей требовала объединения нескольких семей и определенной организации этого процесса. Коллектив людей должен был действовать подобно стае хищников, ведь цель была одна — найти и убить дичь, а потом справедливо распределить добычу между участниками стаи, своими соплеменниками, женщинами, детьми и стариками. Значит, социальная структура охотничьего коллектива людей того времени и стаи хищников должны быть идентичными.

Во главе стаи хищников, например волков, стоит вожак — не обязательно самый сильный самец стаи. Своё положение он получает не в кровопролитной борьбе, а добивается благодаря огромному жизненному опыту, очень сильной нервной системе и колоссальной социальной ответственности. Другими словами, хорошему вожаку вовсе не все равно, что происходит с прочими членами стаи. Он не только водит стаю на охоту, но и ревностно следит за порядком, за распределением добычи, сыты ли волчицы со щенками, не слишком ли шумно играет молодежь и многим другим. Пока все сыты, спокойны, нет врагов, вожак лишний раз не поднимется со своего места, а вот если что-то не в порядке, он непременно вмешается. Его окружали самцы более низкого ранга — субдоминанты. Это ядро стаи, в том числе и племенное. В их обязанности входят охота, защита территории и стаи. Обычно субдоминанты дружны между собой, ведь им приходится на охоте действовать сообща. Каждый из них имеет свою пару, сохраняющуюся долгие годы, пока живы и способны размножиться оба партнера.

Роль вожака в коллективе древних предков башкир играл умудренный опытом старейшина рода. Субдоминанты дошли до нас в виде института батыров, развитого в средневековом башкирском обществе. Однако следует учесть, что на социальное поведение людей, как и хищников, большое влияние оказывал половой инстинкт, как выше показано по рисуночному письму в пещере Ласко. По законам живой природы самцы вступают в соперничество из-за самок. Бывает при этом, что возникают конфликты — как между самцами-хищниками, так и между мужчинами. Но есть отличия. Так, в поединке хищников стоит одному из них испугаться, принять позу побежденного — упасть и заскулить, как победитель отходит в сторону и поединок прекращается. Победитель не добывает побежденного самца. Природа мудра. Она установила «блок на убийство» для хищников. Побежденный самец нужен стае для охоты, играет в ней определенную роль и он не должен быть убит.

Травоядные животные охотой не занимаются. «Блока на убийство» в их социальном поведении нет. Быки, например, вступая в схватку между собой за

власть в табуне, бьются до конца — побежденный изгоняется или может быть убит. Табун в этом случае может обойтись без побежденного производителя. Наоборот, естественный отбор требует удаления его из процесса размножения, как слабого.

Люди, как всеядные животные, занимают промежуточное положение в отношении убийства при поединке мужчин. Побежденный может быть пощажён победителем, особенно, если их связывают родственные узы. Может быть, именно узы родства устанавливают «блок на убийство». Однако развитые в Средневековье дуэли показывают, что этот «блок» мужчинами часто преодолевался, несмотря на осуждение общества.

А вот женщины по отношению даже к родственницам, дочерям поступали более жестоко, чем самки хищников. Как отмечалось выше, они топили дочерей, если мужская часть рода не могла их прокормить. У хищников старая волчица выкармливает своих дочерей, но изгоняет их из стаи при достижении половозрелого возраста. Они уходят из стаи при первой «течке» в сопровождении одного или нескольких самцов, образуя новую стаю.

Это объясняется не большей жестокостью людей по сравнению с волками, а тем, что хищники были более удачливы в охоте по сравнению с первобытными людьми и могли обеспечить питанием всё пополнение рода. А изгнание молодой самки из стаи было у них скорее способом размножения, нежели экономии, ведь она создавала новую стаю.

Для охоты на крупную дичь, например, на мамонта или диких лошадей объединялись несколько родовых стай людей. Так охота, кроме добычи мяса, выполняла ещё и функцию консолидации этноса. Такой процесс наблюдался у монгол даже в XIII веке, когда по кличу Чингисхана отдельные семьи съезжались на большую охоту.

Это весьма показательный пример. На охоту приезжали нищие и голодные монгольские семьи, скитавшиеся по степям и полупустыням. Такая жизнь не только ограничивала развитие этноса, но и не позволяла реализоваться потенциалу его членов. Другое дело коллективная охота. Она приносила несравнимо больше мяса. Люди отъедались, укрепляли своё физическое состояние, совершенствовались навыки охоты и владения оружием. Этнос набирал силу, накапливал энергетический запас. Молодые люди, обладавшие повышенной энергетикой, пассионарии (по Гумилеву) обретали возможность проявить себя. Возникновение большого коллектива людей и участие их в общем деле порождали образование иерархических систем управления и подчинение определенным правилам. У монгол такой свод правил назывался «Яса» Чингисхана». За соблюдением «Ясы» следили назначенные люди — «ясаулы» (есаулы), которые имели право на наказание (по-башкирск. — «яза») нарушителей. В результате коллективных охот, а их монголы проводили перед каждым большим походом, этнос сплачивался. Толпа нищих и голодных кочевников превращалась в орду, дисциплинированное народ-войско, четко разделенное на десятки, сотни и тысячи под началом проверенных командиров. В большой орде воины обретали психологию победителей. Перед такой ордой падали ниц крупнейшие государства мира.

Так же при охотах на лошадей и более крупную дичь на определенном ареале пастбищ с водоемом — урале (округе) консолидировался этнос древнейших предков башкир, живших на Урале. Не случайно именно башкиры 14 лет сдерживали наступление монголов на Восточную Европу [17]. Война между ними длилась

с 1220 по 1234 гг., значительно дольше, чем война монгол с Хорезмийским султанатом и Великий Западный поход. Башкиры неоднократно выигрывали сражения и, наконец, заключили с монголами договор о союзе с сохранением прав на свои вотчинные земли.

Анализируя процесс зарождения этноса — предков башкирского народа, можно выделить следующие этапы:

1. Сбор, сближение отдельных семей на определенной территории для коллективной охоты, возникновение контактов по натуральному обмену товарами собственного производства: одеждой, обувью, головными уборами, орудиями труда и оружием. Сватовство и обмен невест.

2. Коллективные загонные охоты, добыча мяса, питание с нарастающей калорийностью и вследствие этого, накопление высокой энергетики в коллективе.

3. В результате накопления энергии и тесного общения, состязаний в силе, ловкости, владении оружием выявляются индивиды с внутренним стремлением к деятельности, связанной с изменением окружения, причем достижение намеченной цели представляется им даже ценнее собственной жизни. Интересы возникшего коллектива превалируют над их инстинктом самосохранения. Л.Гумилев назвал их пассионариями [18]. В башкирской истории они известны как батыры.

4. Пассионарии (батыры) зарождают чувство общности и у других членов коллектива. Как при нагреве вещества и накоплении внутренней энергии происходит фазовый переход вещества в состояние с более высокой энергией, так и при накоплении энергии в коллективе, он переходит из собрания разрозненных семей в этническое состояние. Этнос представляет собой уже определенное единство множества людей, противопоставляет себя всем остальным, непрерывно делится, выделяя новые роды и племена, но имеет единообразный процесс развития, все его члены ведут схожий образ жизни.

5. Каждый сбор военизированного башкирского общества предоставлял возможность для продуктивного общения и единения. Устраивались скачки на лошадях, позволявшие выявить лучших производителей и маток. Коневодство обретало черты народной селекции. Происходил обмен лучшими экземплярами оружия. Мужчины состязались в стрельбе из лука, борьбе и других видах единоборств. В эпосе «Урал-батыр» упоминается метание изношенного точильного камня, как вида оружия, схожего с метанием диска у греков — одним из олимпийских видов спорта. Своё исполнительское мастерство показывали певцы и кураисты, состязались сээны — знатоки эпических произведений. Родившиеся здесь песни становились народными, к эпосам добавлялись новые части.

Нечто подобное мы видим и в формировании древнегреческого этноса. Эллыны времен Гомера собирались на горе Олимп. Состязались между собой, а ээды, наподобие башкирских сээнов, создавали и исполняли героические эпосы, вдохновляя молодых воинов.

Этот процесс шел веками. Ареал общения — урал расширялся, что не могло не сказаться на развитии языка. Здесь источником для анализа может послужить эпос «Урал-батыр». Является ли башкирский язык настолько древним, что на нем было создано эпическое произведение о древнейшем населении Южного Урала, которое мы сегодня читаем? Или бессмертный Урал-батыр — вождь всего ареала обитания, урала говорил совсем на другом языке, а эпос «Урал-батыр» дошел до нас на современном башкирском языке вследствие многократных

переводов? Для решения этого вопроса мы имеем уникальный случай, когда между современным башкирским языком и древнейшими создателями эпоса «Урал-батыр» сохранился мостик, позволяющий «пообщаться» с предками башкирского народа, жившими на Южном Урале.

Этот мостик — пословицы о львах, родившиеся в то время, когда львы обитали на Урале, которых средневековые и современные башкиры никогда не видели в дикой природе. Однако память о них в башкирском народе сохранилась как в эпосе «Урал-батыр», так и в пословицах.

Похоже, львов на Южном Урале можно было встретить и в сравнительно недавние времена. Например, у Абулькасима Фирдоуси (940—1020 гг.) упоминаются цветущие оазисы вдоль всего течения Амударьи и на берегах Арала, где обитали олени и львы. Ныне мелеющее Аральское море еще в начале прошлого XX в. доходило до железнодорожной станции Аральск. Геологи же подтверждают, что сравнительно недавно, после Ледникового периода, в XI тысячелетии до н.э. Арал через нынешний залив Кара-Богаз-Гол был соединен с Каспием, а на севере доходил до Урала, составляя единое водное пространство с современными многочисленными озерами Башкирского Зауралья и Челябинской области. Так что упоминание моря и львов в эпосе «Урал-батыр» может являться отголоском сравнительно недавних эпох.

Первая из пословиц о львах гласит: «Арысланға атланһаң, камсың кылысың булһын», что означает: «Если сядешь верхом на льва, то пусть плетка твоя саблей будет». Вторая пословица — целое предложение, составленное, без сомнения, в эпоху палеолита: «Арыслан ау тапмай кайтмас», переводится как: «Лев без добычи не возвратится». Отметим особо, что эти пословицы существуют в башкирском языке самостоятельно и в доступные нам версии эпоса «Урал-батыр» не вошли. Однако общность упоминания льва в пословицах и эпосе подтверждает реальность как пословиц, так и эпоса «Урал-батыр», его связь с другими элементами древнего фольклора предков башкир.

Первая пословица о верховой езде на львах с саблей — «кылыс» вместо плетки, родилась, по-видимому, уже в Средневековье, когда появились сабли. Она свидетельствует о том, что сюжеты эпоса «Урал-батыр» были широко распространены в башкирском фольклоре в средневековую эпоху. Это подтверждается и эпосом «Юлай и Салават», в котором Юлай, обращаясь к народу с призывом к борьбе, перечисляет славных башкирских героев, и первым среди них называет Урал-батыра, а также его сыновей Иделя и Яика [19].

Ещё более интересна вторая пословица. Охоту льва и возвращение его в пещеру с добычей могли наблюдать лишь его современники. И эта пословица, сложенная в древнюю эпоху, нам, современным башкирам понятна! Отметим, что добыча обозначается в ней одним и тем же словом ау, что и загонный способ охоты. Это свидетельствует о том, что пословица возникла тогда, когда загонный способ охоты был единственным, то есть в очень древние времена.

Из глубины каменного века эпос «Урал-батыр» и пословицы доносят до нас слово «арыслан» — лев, грозно лающий, издающий страшный рев зверь. Поэтому слово «арыслан» — лев может быть ключевым в экскурсии в древний башкирский язык. Как образовалось это слово?

В этом слове, употребляемом и сегодня по отношению к львам, можно выделить корень «арыс» или «арс» и окончание «-ан». В современном башкирском языке есть слово «арс», означающее внезапный грозный, громкий лай, «арс-арс» — повторный лай, «арсылдау» — продолжительный лай.

Собака в древности называлась «арлан» в смысле просто лающий зверь. Сегодня это слово означает кобеля, а «эрләү» — рассерженно высказаться тяжелыми словами, облаять. От этого же корня происходит старинное слово «арсай» — охранник, телохранитель (хана, невесты), в смысле «верный пёс». Как видим, слово «арслан» из эпохи палеолита нашло свое значение и разветвление в современном башкирском языке. Отметим, корень «арс» от слова «арслан» — лев в башкирском языке имеет не звериный оттенок, а наоборот, приближенный к человеку, отражающий службу ему, смысл. Это полностью совпадает с описанием взаимоотношений человека и льва, данным в эпосе «Урал-батыр». По тексту рассказывается, что люди привязывают льва, кормят его, дети садятся на него верхом. Конечно, езда верхом на львах героев эпоса — это миф, но основан он на реалиях жизни. Были люди и были львы, порой жили в одних и тех же пещерах. Достойных мужчин в Древности и в Средневековье образно представляли оседлавшими льва, волка и других сильных животных мира сего. Что интересно, в VII веке до н.э. после появления в Древней Греции перевода на греческий язык эпоса «Урал-батыр» в виде поэмы Аристея под названием «Аримаспея», там появились барельефы с изображением повозки, запряженной пещерными львами [20].

Окончание -ан применялось для обозначения принадлежности к живому миру: заяц — куян, суслик — йомран, рысь — каплан, мышь — сыскан, змея — йылан. В эпосе «Урал-батыр» рассказывается о древней соколиной охоте: сокол — сапсан. Болан — пойманное животное. Слово «куй» означало мелкое животное и оно относилось не только к зайцу, но позже и к завезенным из Средней Азии овцам. Всё живое, обитающее в верхнем мире, за исключением насекомых и птиц, называлось хайуан, птицы — хайысқан, как сегодня называют сороку — птицу, наиболее близкую к жилью человека. Хайрашыу — пение птиц, разговор птиц.

Водоплавающие птицы обозначались суан (су — вода), также как и лебедь. По-видимому, слово суан — лебедь, неоднократно использованное в эпосе «Урал-батыр», было «вывезено» Аристеем в Грецию вместе с эпосом и распространилось по европейским языкам. Не случайно в древнегреческих мифах упоминается стая лебедей, указывающих Аполлону дорогу на север к сородичам-гиперборейцам. В английском языке это слово звучит как свэн, а в немецком — шван. В процессе тюркизации башкирского языка, после XIV века это слово было вытеснено тюркским аккош, но сохранилось в гидронимах. Близ Уфы протекает речка Берсуан — Одинокая Лебедь (бер — один, суан — лебедь), впадающая в Уршак. Подтверждение тому — озеро Лебяжье неподалеку от устья этой речки. Мне приходилось видеть лебедей и в верховьях реки Берсуан. Там пролегают тысячелетние миграционные маршруты этих птиц. Поэтому речка получила своё «лебединое» название и сохраняет его до сих пор.

Имя главного героя эпоса, младшего брата, совершавшего свои подвиги в верхнем мире, сформировалось по такому же принципу. Первоначально было Уран (ур — верхний, башк.). Сохранились гидронимы Б.и М.Уран, а также название башкирского рода Уран. В таком виде это слово в эпосе «Урал-батыр» «ушло» в Грецию с Аристеем и стало началом древнегреческой мифологии, божеством Ураном. Как отмечал Ахметзаки Валиди, слово Урал, как название гор, пришло только в XIII веке от Абдулгази-хана в «Истории шейбанидов» и

в ногайских дастанах [21]. Также следует обратить внимание на слово «хурал», перешедшее к монголам от алтайцев и сохранившееся у них, видоизменившись от слова «урал» — место, где кружится стадо (урала) от места водопоя до крайней точки пастбищ и возвращается обратно (обычно по кругу — «урау», «урал»). У монголов от этого тюркского слова «урал» до сих пор сохранилось понятие «хурал» — народ, стада которого ходят в данном месте, а также «хурал» — общность народа в более широком смысле и «хурал» — народное собрание, парламент.

В начальной части эпоса «Урал-батыр» встречается словосочетание «ау аулау», что означает «поймать дичь с помощью загона и забить булавой». По-башкирски булава — «сукмар» (сук — нанеси удар). В древности, до мусульманской религии предки башкир забивали животных бескровно, ударом по голове в лоб. Следы такого способа забоя дошли до нас в виде слова «һуғым». Этим словом называют домашнюю скотину, откармливаемую для забоя на зиму. Корень этого слова происходит от того же «һуғыу» — ударить.

Кличка легендарного коня Акбузат (Ак-буз-ат) доносит нам из глубины тысячелетий слово «ат», означающее лошадь, от которого произошло современное слово «атлау» — шагать. Словом «ат» называли в древности верховую лошадь, разделявшую во всем судьбу всадника. Единение Урал-батыра с конем Акбузатом, отраженное в эпосе, символизирует другое словосочетание в башкирском языке — «ир-ат», дословно «мужчина-конь», или «всадник» и просто «мужчины», так как мужчины у башкир с древности не представлялись без коня. «Ак-буз» означает светло-серую масть древних лошадей, позволявшую им маскироваться зимой в снегах, в наиболее уязвимое время года. Слово «йылкы» — в смысле лошадь, пришло с востока много позже, с тюрками. В восточном календаре «йылкы йылы» — год лошади. Также следует обратить внимание на указанную связь с водным миром слова «айғыр» («жеребец»), подтверждаемую известными гидронимами «Айгир», имеющими свои легенды, связанные с лошадьми.

В современном башкирском языке есть выражение «башына етеу» в смысле «отомстить, погубить», но дословно оно переводится как «добраться до головы». Этот иносказательный смысл становится понятным из строк эпоса «Урал-батыр», описывающих ритуал поедания дичи. Если удавалось поймать и забить хищника-самца, то родители Янбирде и Янбика начинали трапезу с поедания головы. Согласно эпосу, «башына етеу» означает «поймать, убить, зажарить и съесть голову».

Эпос начинается с рассказа о жизни семьи на одиноком острове, окруженном водой. Геология подтверждает такую возможность в районе т.н. «Озёрного края» в Башкирском Зауралье. Начало жизни — в старике Янбирде и старухе Янбика. Здесь нет сведений о божественном или эволюционном происхождении человека. Древний автор чистосердечно признается, что не знает, откуда они взялись на этом острове. Имена родителей героев эпоса произошли от слова «йән» — «душа, живое состояние». В эпосе это слово обрело форму имени и сохранилось до настоящего времени в виде Янбирде и Янбика.

Таким образом, те древние слова и выражения, которые дошли до нас через эпос «Урал-батыр», и пословицы говорят о том, что язык населения Южного Урала во время рождения эпоса «Урал-батыр» был древней формой башкирского языка и очень тесно связан с этноценозом народа в условиях уральской природы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Геродот*. История. — М.: АСТ, 2006, 696 с.
2. *Радик Вахитов*. От Урал-батыра до Салавата Юлаева: Исторические этюды. — Уфа: Китап, 2009, с.65—66.
3. *Юрий Ляхницкий*. Сокровище палеолита. — Уфа: Китап, 2008, 188 с.: ил.
4. История башкирского народа. Т.1. — М.: Наука, 2009. С.35.
5. *Радик Вахитов*. Лошади и люди в живописи палеолита // Бельские просторы, №11, 2012. С.121—125.
6. *Ф.Энгельс*. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — М.: Госполитиздат, 1952. С.8.
7. *Ф.Энгельс*. Анти-Дюринг. — М.: Госполитиздат, 1978. С.326.
8. *Мажитов Н.А.* Зороастризм. Энциклопедия «Башкортостан». Т.3. С.106.
9. *Вахитов Радик*. Цивилизация Быка на Урале // Ватандаш, №10, 2013, с.81—101.
10. *Ломоносов М.* Избранная проза. 2-е изд. доп. — М.: Сов.Россия. 1986. С.232.
11. *Зданович Г.Б.* Аркаим: арии на Урале. Гипотеза или установленный факт? // Фантастика и наука. Международный ежегодник. Вып. 25. — М., 1992.
12. *Путенихин В.П.* Природа Урало-Поволжья в источниках. Известия древних писателей, ученых и путешественников. — Уфа: АН РБ, Гилем, 2011.
13. Урал-батыр. Башкирский народный эпос. — Уфа: Китап, 2005. С.296.
14. Путешествие Ахмеда ибн-Фадлана на Волгу // На стыке континентов и цивилизаций. — М.: ИНСАН, 1996. С.39.
15. *Матюшин Г.Н.* Археологический словарь. — М.: Просвещение, 1996. С.54—57, 120—121, 157.
16. *Радик Вахитов*. «Аримаспея» — следы на Урале // Ватандаш, №2, 2013, с.138—149.
17. *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. — М.: АСТ. 2002. С.483—484.
18. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. — М.: АСТ. 2001. С.265.
19. Эпос «Юлай и Салават» // Башкорт халык ижады. Т.V. — Уфа: Китап, 2000. С.260.
20. *Вахитов Р.Ш.* Что общего между эпосом «Урал-батыр» и мифами Древней Греции? // Проблемы востоковедения, №2, 2012, с.95—103.
21. *Ахметзаки Валиди Тоган*. История башкир. — Уфа: Китап, 2010. С.25.

